

Хилл Сьюзен

Когда поют и танцуют

Сьюзен Хилл

Когда поют и танцуют

Из сборника "Английская новелла XX века

Было поздно, и, кроме нее, на берегу никого. Она шла по кромке воды, по твердому плоскому песку, и он веселил ногу после сыпучих, разъезжающихся бугров гальки, нагроможденных по всему пляжу, до самого парапета набережной. Она шла и думала - спешить мне некуда, совершенно, что хочу, то и делаю, я не обязана никому отчитываться.

Но погода не предвещала ничего хорошего, уже темнело, в такую погоду только выпить пораньше чаю, развести огонь в камине и засесть у телевизора. У нее по спине пробежали мурашки, когда она подумала, что и тут ей самой решать, какую смотреть программу или вообще ничего не смотреть. Последние одиннадцать лет у нее не было такого вечера, когда молчит телевизор, и можно слушать в тишине, как тикают часы и урчат батареи.

- Это ее единственное развлечение, - говорила она всегда, - она видит то, чего бы вовек не увидела. Телевизор открыл ей новые горизонты. Никогда не поздно учиться, - хотя, честно говоря, мама смотрела только эстраду. Морекэмба и Уайза 1 и Черных и Белых Менестрелей, а сама она с удовольствием включила бы второе Би-би-си и послушала бы что-нибудь просветительное.

1 Английские комические актеры.

"Люблю, когда поют и танцуют, от этого веселей на душе, Эсма, можно забыться. Люблю представленья..."

Но сегодня уж покажут пьесу или фильм про Аравию или острова, или урок виртуозной игры на виолончели. Сегодня уж она в первый раз себя побалуует. Ведь сегодня две недели, как умерла мама, срок приличный.

Был февраль. И холодный вечер. Море, берег и небо, серые, насколько хватал глаз, вдали сливались в одно. Когда хоронили маму, выл шторм, сыпало мокрой порошей, она оглядывала осунувшиеся, сизые лица под черными шляпами и думала - все правильно, все прилично, нам и положено быть сутулыми, старыми, безутешными. Мама заслужила, чтоб ее оплакивали, чтоб по ней горевали.

Ей захотелось уйти с берега, у нее заоченели руки в карманах темно-синего пальто (темно-синее, решила она, приличный переход от траура). Пойти домой, поджарить лепешек и поесть их всласть, жирно намазывая маслом, чего мама бы страшно не одобрила. "Нам этого никогда не разрешали, нам не позволяли объедаться, и вообще теперь выясняется, что от масла развиваются сердечные болезни, ты не читала в газетах, Эсма? Удивляюсь, как ты этого не учиываешь. Я вот учиываю. Нельзя к каждой еде совать масло - масло туда, масло сюда".

Мама ежеутренне прочитывала от корки до корки две газеты - "Дейли Телеграф" и "Дейли

Миррор" и зеленой шариковой ручкой отчеркивала, на что дочери следует обратить внимание. Она говорила: "Я люблю выслушать обе точки зрения". И какой бы точки зрения ни придерживались дочь или гость по поводу последних событий, одна из газет укрепляла ее в обратном мнении. Спор, говорила мама, оттачивает ум.

"Я не собираюсь опускаться, Эсма, оттого, что я прикована к постели".

Она дошла до мола. Несколько чаек с плачем кружило в буром небе, и берег у самой воды усеяли рыбы головки, совершенно обглоданные. Она думала - что хочу, то и делаю, куда хочу, туда иду, а могу просто простоять тут хоть час, я сама себе хозяйка. Но она так давно не выходила надолго, и она еще не освоилась с тем, что не надо все время смотреть на часы, нестись домой. И было, правда, ужасно сыро, смотреть совершенно не на что, поэтому она повернула назад и стала думать про завтрашнюю вылазку, которой она решила себя потешить, - про покупку обновок. Мамино завещание войдет в силу только через несколько месяцев, адвокат ей объяснил, это всегда волокита, но все, конечно, решится в ее пользу, а покойная миссис Фэншоу была так экономна, бережлива, что нуждаться ее дочери не придется. Кстати, не угодно ли получить вперед на срочные расходы? Фунтов сто?

Когда читали завещание, перво-наперво она восхитилась, пробормотала: "Вот хитрая старуха", и тотчас прикрыла рот рукой, устыдившись, что ее услышат. Да, уж хитрая старуха. Милдред Фэншоу оставила шесть тысяч фунтов по разным банкам. А ведь они жили на зарплату и мамину пенсию, мама говорила, что экономить надо буквально на всем, на электричестве, на сливках, и что им не по карману дорогое мясо. "Транжирство, - говорила миссис Фэншоу, - вот главный порок. От него идут все прочие грехи, Эсма. Транжирство. Человек обязан жить по средствам".

И вот, нате вам - шесть тысяч фунтов. В первую минуту ее просто ошарашило, голова закружилась от разных планов - надо купить машину, научиться водить, купить стиральную машину, сменить телевизор, поехать в отпуск за границу, завести себе приличное белье, можно обедать по ресторанам...

Но ей уже за пятьдесят, пора самой откладывать на черный день, на старость, и вообще-то ей стало стыдно от этих мыслей о тратах, будто мама может прочесть их, как при жизни она все читала по ее лицу.

Она дошла до ступенек, уводящих с пляжа. Почти совсем стемнело.

Вдруг ее пробрал озноб, она вдруг испугалась своей свободы. Неизвестно, что с собою делать, куда себя девать, и можно позволить себе все, что угодно, а она к этому не привыкла. Может, не стоит тут оставаться, может, лучше продать дом, зачем ей одной такой дом, может, лучше поступить на службу в Лондоне, снять там квартиру? В Лондоне у человека такие возможности...

Она разволновалась, стала как пьяная, - все, все возможно, все зависит только от нее самой, она стояла одна, в февральских сумерках, смотрела на пустой пляж, и ей хотелось кричать, плясать и петь. Все окна вдоль набережной были слепые, черные; летний курорт в феврале прозябает, а не живет.

Она подумала - вот и я прозябала. Но мне пятьдесят один год, и еще не все потеряно.

Далеко-далеко за молотом мигал зеленый огонь маяка, вспыхнет-погаснет, вспыхнет-погаснет. Так же мигал он и в ту ночь, когда у мамы был удар, в три часа она подошла к окну, увидела его, и он первый ее утешил - после маминой смерти. И вот ее вдруг снова проняло - будто кто по лицу ее ударил. Она подумала - ужасно, мамы нет, мама в земле лежит, в гробу, - и ее всю затрясло, в голову лезли страшные картины - черви, кости, она ускорила шаг, чуть не побежала по набережной и свернула наверх, к дому.

Она открыла парадное, прислушалась. Совершенно тихо, совершенно спокойно. Раньше сверху всегда раздавалось: "Эсма?" Каждый раз она еле удерживалась, чтоб не ответить: "Кто же еще?" - и отвечала: "Привет. Это я".

И сейчас она тоже сказала:

- Привет, это я!

И с темной лестницы нежно откликнулось эхо, и она вся сжалась господи, да куда ж это годится, разговаривать с самой собой, пугаться пустого дома? Что это с нею?

Она поскорей прошла в гостиную, задернула штору и налила себе стаканчик шерри; мама такое любила. Да, ясно, это реакция, вот до нее дошло, ей все говорили, и зять, и дядя Сесил, и кузен Джордж Голайтли, все, когда заглянули после похорон выпить чаю и съесть по бутерброду с ветчиной.

- До тебя еще дойдет. Доходит всегда не сразу.

И правда, она вела себя так спокойно, выдержанно, так хорошо все устроила, все просто удивлялись.

- Если тебе захочется побыть с людьми, Эсма, это же естественно, ты сразу иди к нам, без всяких. Только позвони, предупреди и все. Учти, тебе будет не по себе.

Не по себе. Еще бы. Она села к электрическому камину. В общем-то, она ужасно продрогла, таскаясь по пляжу в такую погоду. Сама виновата.

Скоро тишина начала ее угнетать, и поэтому она снова налила себе стаканчик шерри, приготовила яйцо в мешочек, поджарила хлеба, включила телевизор и стала смотреть эстраду, потому что от этого веселей на душе и ей хотелось отвлечься. Успеется, она еще насмотрится серьезных передач, а пока надо привыкнуть к новой жизни. Но в голове мелькала, мелькала мысль, как телеграфная лента с назойливым текстом:

- Она наверху, она у себя. Пойди наверх - и ты ее увидишь. Ты увидишь маму. - Слова плясали по экрану, путались в ногах у танцовщиц, пеной бились на губах у клоунов и шансонье, вторили барабанам и контрабасам.

- Наверху. У себя. Наверху. У себя.

Твоя мама. Твоя мама. Мама.

Наверху...

Она толкнула рычажок, изображение сжалось и погасло, наступила тишина, и она услышала, как у нее колотится сердце, как она прерывисто дышит. Она отругала себя - ужас, какая стала дерганая, до чего истрепались нервы. Ладно, хватит, лучше пойти наверх, взглянуть, убедиться.

Спокойно, обдуманно она вышла из гостиной, и поднялась по лестнице, и вошла в мамину спальню. Уличный фонарь под самым окном забрасывал в комнату бледный конус света и выбеливал дорожку на туалетном столике, испод занавесок и мягкое покрывало. От мамы тут ничего не осталось. Ее здесь будто и не бывало. Эсма постаралась о том, чтоб ничто не бередило воспоминаний, и сразу же после похорон она уложила и вынесла одежду, белье, лекарства, бумаги, очки - она твердой рукой очистила комнату.

Она стояла в дверях и нюхала пыль, лавандовую полироль, и ее мучила совесть. Как будто постаралась вычеркнуть маму из памяти, как будто хотела, чтоб та умерла. "А что, - сказала

она,- я ведь и правда хотела, я хотела избавиться от вечной зависимости, слава богу, мне уже пятьдесят лет".

И она выпалила вслух, в пустую спальню:

- Да, я хотела, чтоб ты умерла!

И у нее затряслись руки, она сжала их, она подумала - я дрянь, но уже подействовало шерри, сердце у нее стало биться ровней, и она заставила себя войти в комнату и задернуть занавески, даром что уже не было оснований ругать себя за истеричность.

В гостиной она села у камина и до одиннадцати читала чью-то биографию при маме она всегда ложилась в десять, - и страхи ее отпустили, она совершенно успокоилась. Она думала - естественно, наступила реакция, до меня дошло - еще бы. Она отлично выспалась в ту ночь.

Когда наутро, в четверть двенадцатого, она открыла на звонок и увидела на крыльце мистера Эмоса Кэрри, со шляпой в руке, справляющегося насчет комнаты, ей сразу вспомнилось, как дядя Сесил сказал в день похорон:

- Учти, тебе будет тоскливо одной в таком большом доме, Эсма. Пусти жильца.

Мистер Эмос Кэрри нервно тер пальцем левую бровь - привычка, свидетельствующая о природной застенчивости.

- Мне нужна комната, - сказал он, и она отметила, что запонки у него золотые и тщательно начищены ботинки. - Мне объяснили в бюро... здесь... сдается комната с завтраком.

- Не знаю ни про какое бюро. Вы, видимо, ошиблись адресом.

Он вытащил затрепанную записную книжку.

- Садовая улица, 23.

- А... Нет, у нас... - она поправилась, - у меня - Садовая Аллея, 23.

Лицо и шею ему красным чернильным пятном стала заливать краска, он ослабил пальцем ворот, и ей сделалось его даже жалко, она даже расстроилась.

- Это легко спутать, вполне простительная ошибка, мистер... Ничего, вы...

- ...Кэрри. Эмос Кэрри.

- ...не смущайтесь, пожалуйста.

- Я ищу тихую комнату, с завтраком. Я уж рассчитывал. Садовая улица. Такой приятный адрес.

Она подумала - он аккуратный, чистый, элегантный, на переднем зубе золотая коронка, и он в перчатках. Мама всегда любила, когда мужчина в перчатках. "Их теперь почти никто не носит. Зато по перчаткам и шляпе сразу отличишь приличного человека".

Шляпа у мистера Кэрри тоже была.

- Прошу прощенья, мадам, мне так... я бы не стал беспокоить...

- Нет... ну, что вы...

- Пойду поищу Садовую улицу, 23...

- Это сразу за углом, налево, тут совсем рядом. Там очень тихо.

- Как здесь. Здесь тоже тихо. Я уж думал, какой подходящий дом, я бы... По-моему, это сразу видно... дом такой... Вы уж извините.

Он опустил шляпу на аккуратные седые волосы, затем снова вежливо приподнял и пошел прочь.

Она быстро глотнула воздуха. И сказала:

- А что именно... То есть если вам нужна комната с завтраком, так, может быть...

Мистер Эмос Кэрри вернулся.

Он изящно поддел вилкой маринованную луковку.

- Есть еще один вопрос, - сказал он, - как мне быть с вещами.

До Эсмы Фэншоу его голос доходил, как из радиоприемника - какое-то искажение, гулкость какая-то. Она затрясла головой. Она подумала - он ненастоящий... Да нет, вот он, тут как тут - мистер Эмос Кэрри, в темно-синем в елочку костюме и у самого ворота рубашки - малюсенькая штюпочка. Он сидел за столом у нее на кухне, в столовую пригласить его она не решилась, столовой вообще пользовались редко, и она сочла, что кухня сойдет. И вот он на кухне - тут как тут. Она сварила кофе, а потом, через час, подала холодное мясо, маринованные овощи, хлеб и масло, и от волнения у нее даже вспотели ладони. Она все думала, до чего же опрометчиво поступила, он же совершенно незнакомый человек, с улицы, первый встречный, я ничего про него не знаю. Но это уж мамин голос, не иначе. Она взяла себя в руки. Да и неправда это все, ведь мистер Кэрри много чего ей порассказал. И вообще так и надо, надо быть смелее, думала она, и пусть жизнь вечно готовит мне сюрпризы. Каждый день может принести новое знакомство, так и сохраняют молодость. Ей очень хотелось сохранить молодость.

В молодости мистер Кэрри много бывал за границей, жил, оказывается, на Цейлоне, в Сингапуре, Индии.

- Я постоянно расширяю свой кругозор, мисс Фэншоу, я сторонник мирных взаимоотношений, по-моему, сам живи и другим не мешай. Все народы должны жить в дружбе.

- О, я совершенно с вами согласна.

- Я повидал мир, я знаю жизнь. Я человек без предрассудков. Пусть у других народов другие обычаи, но люди везде остаются людьми. Мы ежедневно учимся друг у друга. Главное, расширять свой кругозор.

- О, конечно.

- Сами-то вы путешествовали?

- Да вот... ездила в Европу. Правда, не очень далеко.

- Я исходил пешком чуть не все европейские страны и всегда окупал любое путешествие.

Ей не хотелось спрашивать, каким именно образом, но она была под впечатлением, потому что сама за границу ездила лишь однажды - во Францию.

Мистер Кэрри, оказывается, рос сиротой, воспитывался в детском доме.

- И это вовсе неплохое начало, мисс Фэншоу, нам всем там было очень хорошо. По-моему, память мне не изменяет. Мы жили одной большой семьей. Нет, никак не скажу, что общество меня обделило. Для меня делалось все. Нет, мне просто повезло. Сами посудите, мисс Фэншоу, оглянитесь кругом - сколько людей растет в разбитых семьях, сколько несчастий! Я ничего такого не знал, и, выходит, жаловаться не на что. В моей жизни все повернулось к лучшему, я так считаю.

Образование, по его словам, он получил не ахти какое, мозги у него хорошие, но работали всегда с неполной нагрузкой.

- Неиспользованные ресурсы. - И он ткнул себя пальцем в лоб.

С ним оказалось так легко говорить, у нее никогда так легко не завязывался разговор с незнакомым, вообще ни с одним мужчиной. Безупречная, приятная вежливость сочеталась у мистера Кэрри со столь же приятной непринужденностью, и она решила, что ему сам бог велел тут остаться, у него хорошие манеры, и он явно здесь ко двору.

Лицо у него было самое что ни на есть обыкновенное, и слава богу, но что-то в нем все-таки было ненастоящее, как будто она видела его на экране кино. Но все равно, она уже себе представила, как он будет каждое утро сидеть тут на кухне, завтракать, а потом, надев шляпу с вставленным за ленту перышком, уходить на работу.

- Вещи у меня довольно громоздкие.

- А что именно...

- У меня две работы, мисс Фэншоу, я, так сказать, многостаночник. Удивляетесь? Мне всегда жаль хоть минуту терять даром, у меня огромные запасы энергии.

Она заметила, что из ноздрей и ушей у него торчали пегие пучки волос, и прикинула, подравнивает ли он их, когда ходит в парикмахерскую стричься. Она понятия не имела, как это принято у мужчин.

- В общем-то, моя работа отчасти сезонная.

- Сезонная?

- Да. В сырую ветреную погоду, без какой не обойтись на наших английских берегах, ну, и, конечно, зимой, я занимаюсь только моющими средствами.

Он быстро огляделся, как бы выясняя, где ее порошки, мастики и щетки и что еще ей может понадобиться.

- Вам, наверное, понадобится подсобное помещение? Кроме самой комнаты?

Мистер Кэрри встал из-за стола и начал убирать посуду. Она смотрела на него с изумлением. Ошибся адресом, уже успел с ней позавтракать и вот - как близкий друг - помогает убирать со стола.

- Чердак у меня очень большой.

- Высоко, неудобно...

- А-а...

- А мне приходится беречься. Нельзя напрягать спину. Не подумайте, что я больной, мисс Фэншоу, спешу успокоить, вы не берете в дом инвалида. Нет-нет. Я для своих лет

исключительно здоровый человек. А все потому, что у меня такой активный образ жизни.

Она подумала о том, как ему приходится стучаться во все двери подряд, ходить из дома в дом. Правда, летом он чем-то другим занимается.

- Как говорится, сама выносливость, редкая закалка.

Она подумала про скаковых лошадей и стала гадать, был ли он женат, Она сказала:

- Тогда, может, чулан под лестницей, рядом со счетчиком...

- Чудно.

Он насыпал в мойку ровно столько порошка, сколько нужно; он уже расстегнул и засучил рукава, а пиджак его висел на крючке у входа. Его жилистые руки поросли густым волосом. И в голове у нее завертелись десятки вопросов, потому что, хоть вроде он много о себе рассказал, осталась еще бездна неясностей.

Оказывается, он уже приезжал сюда по работе и влюбился в этот город.

- Я не мог его забыть, мисс Фэншоу. Я найду там свое счастье, так я себе говорил. Этот город прямо для меня создан. Понимаете?

- Вот вы и приехали.

- А как же. Я знаю, куда ехать, где я смогу развернуться. Я всегда прислушиваюсь к своему внутреннему голосу. Мне надо было приехать.

- Городок-то у нас маленький.

- Зато тонкая публика.

- Но все же, я вот думаю... у нас такой короткий сезон, только июль и август...

- Да?

- Может, вам это не подойдет, ну... для летней работы?

- Нет, мисс Фэншоу, мне это подойдет, я такие вещи всегда взвешиваю, знаете, тщательно взвешиваю.

Она не стала дальше расспрашивать, только сказала:

- Ну, теперь-то зима.

- Конечно. Но я буду, если позволите так выразиться, вспахивать свое второе поприще, В таком городе с дамами, вроде вас, мисс Фэншоу, в таких домах, с такими удобствами открываются бесконечные возможности, просто бесконечные.

- Для сбыта э... моющих средств?

- Именно.

- Понимаю.

- Вот ведь для вас это дело чести, правда? Я же вижу.

Он обвел рукой всю ее кухню, разбрасывая хлопья пены, и она увидела его глазами чистые окна, сверкающие краны, белоснежную раковину. Что верно, то верно, чистота для

нее была делом чести. Мама требовала с нее чистоту. Вдруг она услышала собственный голос:

- У меня только две недели, как мама умерла.

Она совсем забыла, что уже ему говорила про это, и вдруг до нее опять дошло, показалась невыносимой пустая комната, которую она собралась сдать мистеру Кэрри, ей стало совестно, и на глаза навернулись слезы. Что сказала бы мама про то, что чужой человек, как ни в чем не бывало, моет у них посуду, и вообще про это сомнительное знакомство?

"Лучше б ты у меня спросила, Эсма, ты чересчур доверчива. Лучше б ты у меня спросила".

Через два дня после похорон она встретила в аптеке миссис Бикердак с виллы "Сирень", и та шепнула, что "помогает тем, кто понес утрату", и Эсма поняла, что имеются в виду спиритические сеансы. Та намекнула, что можно войти в контакт с покойной миссис Фэншоу. Эсма ужаснулась, главным образом при мысли о контакте, о продолжении связи с мамой, но сказала только, что, по ее мнению, мертвых надо оставить в покое.

- Вы только не обижайтесь, но, по-моему, мы не должны о них расспрашивать, выведывать.

И вот, пожалуйста, она слышит мамин голос, и мама говорит про мистера Кэрри: "Всегда смотри на глаза, Эсма, не верь тому, у кого глаза сидят слишком близко к переносице..."

Она решила посмотреть на его глаза, но он повернулся боком.

"...Или слишком широко расставлены. Это признак лени".

Ей стало стыдно, зачем она ему опять сказала про маму. Еще не хватало обременять его своими переживаниями, выглядеть истеричной. Мистер Кэрри покончил с мытьем посуды и покоил красные мокрые руки на краю раковины. Голос у него стал вдруг немного другой, торжественный:

- Мертвых нельзя забывать, я так считаю, мисс Фэншоу. Я считаю - память священна. Очень рад, что вы сочли возможным говорить со мной про усопшую.

И она обрадовалась, что он тут, на кухне, с ним она не так замечала тишину и пустоту, а то последнее время они стерегли ее по всем углам.

Она сказала:

- Мне было не очень-то легко... Мама была довольно... властная.

- Все, больше можете не говорить. Я вас понял. Люди старшего поколения любят поучать.

Она подумала - а он тонкий, схватывает все на лету. И она чуть не расхохоталась от облегчения, что не надо объяснять и разжевывать, как мама на нее давила и как за последние годы ей трудно пришлось. Он и сам все знает, все понимает.

Мистер Кэрри тер руки, проводя полотенцем по каждому пальцу, будто перчатки натягивал. Он раскатал рукава, застегнул и надел пиджак. Движенья у него были точные, рассчитанные. Он кашлянул.

- В отношении комнаты - остается вопрос об оплате, мисс Фэншоу. Эти вещи надо сразу улаживать, я так считаю. О деньгах надо говорить прямо, стесняться тут нечего. Надеюсь, вы за.

- О, ну да, я...

- Скажем, четыре фунта в неделю? Как?

У нее голова пошла кругом. Она понятия не имела, сколько берут за комнату, сколько стоят завтраки. Ей бы хотелось быть и деловой и справедливой. Но он предложил, на его взгляд, самую подходящую сумму, а он в таких вещах, конечно, разбирается лучше нее.

- В данный момент я проживаю в Торговой гостинице на Кедровой Аллее. На полу у меня в номере один линолеум, к завтраку ничего горячего. Я не привык к роскоши, мисс Фэншоу, сами понимаете, не такая у меня была жизнь, но после рабочего дня я имею право удобно отдохнуть, я так считаю.

- О, здесь вам будет очень удобно, уж я постараюсь, я присмотрю. Я чувствую, что...

- Что?

Ей вдруг стало неудобно, как бы он о ней плохо не подумал.

- Я чувствую, что ошибка с адресом произошла...

- По воле случая.

- Да, о да.

Мистер Кэрри отвесил легкий поклон.

- Когда вы хотели бы переехать, мистер Кэрри? У меня тут еще кое-что...

- Скажем, завтра вечером?

- Завтра пятница.

- Если вам это не подходит...

- Нет... почему же... просто у нас неделя пойдет с пятницы.

- Мне будет очень приятно иметь такую хозяйку, мисс Фэншоу.

Хозяйку! Она хотела сказать: "Надеюсь, я буду вашим другом, мистер Кэрри", но это прозвучало бы нескромно.

Он ушел, а она заварила чай и села за стол. Мысли у нее путались. Она думала - начинается новая жизнь. Но кое-что ее все-таки смущало. Она вела себя не так, как она привыкла, не так, наверное, как вела бы себя, что называется, по зрелом размышлении. Мама бы не позволила ей пускаться в дом чужого, как в детстве не позволяла разговаривать с чужими на улице. "Нельзя, Эсма, люди разные бывают". Недаром она зачитывалась статьями о преступлениях в своих газетах и книжками о знаменитых процессах. Ей покою не давала потрясающая жизнь доктора Криппена.

Эсма тряхнула головой. Выходит, летят все планы насчет продажи дома, переезда в Лондон, насчет заграницы. Ей стало грустно, как будто и не начиналась никакая новая жизнь. И неизвестно еще, что скажут друзья и соседи, видел ли кто мистера Кэрри у нее на ступеньках с бумажкой в руке, и вдруг, когда он будет торговать своими моими средствами, все узнают, что это жилец мисс Фэншоу, и ее не похвалят. Мама бы, конечно, ее не похвалила, и не только потому, что он "первый встречный".

"Он торгош, Эсма, самый обыкновенный торгош, и ты еще не знаешь, какая такая работа у него в летний сезон". - "У него прекрасные манеры, мама, он такой воспитанный, так хорошо говорит".

Ей вспомнились перчатки, приподнятая шляпа, легкий поклон и как он спокойно, уверенно мыл посуду, будто век целый тут прожил.

"Откуда ты знаешь, Эсма, чем все это кончится?" - "Что же, я рискну. Я пока слишком редко рисковала".

Но тут бы мама поджала губы, сложила ручки, не желая больше доказывать, уверенная в своей правоте. Ничего, теперь она сама себе хозяйка и может жить своим умом, поступать, как ей угодно. Она взяла листок бумаги и составила список вещей, которые потребуются, чтобы обставить мамину спальню для него поудобней. И надо еще будет на неделю запастись кукурузных хлопьев, бекона и почек для завтраков.

Она даже сама удивлялась, как быстро освоилась с присутствием мистера Кэрри. Конечно, ей помогло еще и то, что у него такая размеренная жизнь, и его аккуратность. Когда она зашла убирать в его комнату, она не обнаружила ни малейшего беспорядка, кровать тщательно застелена, одежда в шкафу - он, оказывается, его даже запер, а ключ унес. Только две пары ботинок, рядышком под раковиной, да бритва и кисточка выдавали жильца.

Мистер Кэрри вставал ровно в восемь - она слышала звон будильника, потом радио свиристело и начинались новости. В восемь двадцать он спускался на кухню завтракать, благоухая мылом для бритья и сапожной ваксой. Он всегда говорил: "А, с добрым утром, мисс Фэншоу, с добрым утречком", а затем кратко отзывался о погоде. Бывало либо "промогло", либо "солнышко, как я погляжу", либо "пасмурно". Он ел горячий завтрак, а потом запивал его двумя чашками крепкого чая с жареным хлебом.

Завтраки были для Эсмы делом чести, она красиво накрывала на стол, стелила накрахмаленную скатерть, подогревала его тарелку в духовке, а хлеб поджаривала в самую последнюю минутку, чтобы не остыл и хрустел. Она думала: "Таким, как я, нельзя жить в одиночку, заботиться только о себе. У меня прямо-таки потребность за кем-то ухаживать".

Без десяти девять мистер Кэрри доставал из чулана чемодан, желал ей всего доброго и уходил. А дальше она оставалась сама по себе, как всегда, правда, теперь она больше времени тратила на уборку - наводила глянец, и особенно в комнате у мистера Кэрри, - а еще на покупку всяких вкусных вещей ему на завтрак.

Она давно собиралась записаться в вечернюю группу - учиться делать абажуры, но в этом году опоздала, ей сказали прийти после лета, так что она купила каркасы, картон и бахромку, взяла в библиотеке руководство и стала учиться сама. Несколько раз она носила свое рукоделье на выставки-распродажи, а еще она хотела устроить утренник с кофе и кексами и немного поопекать стариков. Она жила полной жизнью. Хорошо, что у нее поселился мистер Кэрри. Настала пасха, и она начала гадать, когда же он приступит к своей летней работе и что это за работа такая. Он об этом молчал.

Возвращался он каждый вечер между половиной шестого и шестью и сразу же шел к себе. Иногда он еще на часок выходил, наверное, поужинать или выпить кружку пива, но чаще сидел дома, и Эсма до утра его не видела. Несколько раз из его комнаты слышалась музыка, наверное, радио, и ей было приятно, что в доме жизнь, что кто-то делит с ней кров.

Как-то в пятницу вечером мистер Кэрри спустился на кухню рассчитаться с ней за неделю, она как раз вынула из духовки баранье жаркое, пригласила его к столу, и он до того быстро согласился, что ей стало совестно, она испугалась, не ходит ли он вообще голодный. И она решила, улучив удобную минутку, предложить ему пользоваться кухней.

Удобную минутку она так и не улучила. Зато мистер Кэрри стал вечерами спускаться на кухню два-три раза в неделю и ужинать с ней, она привыкла покупать продукты на двоих, и когда он предложил надбавить ей еще фунт за еду, она согласилась, хоть, может, это и было

необдуманно. Но так приятно ужинать не одной. Мамин голос внушал, что еда обходится куда дороже фунта. "Ничего, зато мне приятно, и ничуть не жалко этих денег".

Как-то вечером мистер Кэрри поинтересовался, сильна ли она в арифметике, она ответила, что училась счетоводству, и тогда он попросил, чтоб она помогла ему разобраться в счетах за моющие средства. С тех пор она исправно, два-три раза в месяц, стала ему помогать, в столовой устроили кабинет, и она вспоминала, как у нее и раньше спорилась такая работа, снова чувствовала себя нужной и радовалась.

Он говорил:

- Ничего, теперь уж осталось недолго, мисс Фэншоу, лето на носу, а летом-то я свободный художник.

Но как только она раскрывала рот, чтоб расспросить его поподробней, он сразу менял тему. Как относится фирма моющих средств к его летнему простую, ей тоже не хотелось выспрашивать.

Мистер Кэрри был большой охотник до чтения "зимой", как он пояснил, когда есть время. Читал он не какие-то романы, биографии и мемуары, а свою энциклопедию, прелестные томики в бежевых дерматиновых переплетах. Он выкупал их в рассрочку. Вечерами он теперь, по ее приглашенью, захватив томик, спускался в гостиную, и она привыкла видеть его в кресле напротив. Иногда он читал вслух что-нибудь существенное или любопытное. Ум его схватывал все, но особенно что касается зоологии, географии, антропологии, он говорил, что накрепко запоминает факты, ведь никогда не знаешь, что в жизни тебе пригодится. И Эсма Фэншоу слушала, мастерила абажур - у нее к этому оказались способности - и пополняла свое образование.

- Учиться никогда не поздно, мистер Кэрри.

- Замечательно, как совпадают наши мнения! Просто чудесно!

"Да, чудесно", - думала она, когда мыла наутро посуду, и она даже покраснела, такая ни с того ни с сего на нее нахлынула радость. Была бы у нее подруга, она бы позвонила ей, пригласила б на чашку кофе, сказала бы: "Чудесно, когда в доме мужчина, я просто себе не представляла, как это меняет жизнь". Только вот подруги у нее не было, они с мамой жили всегда сами по себе. И еще она бы ей сказала: "Я чувствую себя на много лет моложе, и все из-за мистера Кэрри. Теперь-то я понимаю, что прозябала, а не жила".

И вот - лето настало. Мистер Кэрри по вечерам где-то пропадал до половины десятого, а то и до десяти, чемодан, набитый щетками и мочалочками и порошками, валялся под лестницей, и мистер Кэрри приоделся. Он теперь ходил в светлом чесучовом пиджаке, соломенной шляпе с черной лентой, и в петлицу он втыкал розу или гвоздику. Элегантный, просто загляденье. Она понятия не имела, что у него за работа. Каждое утро он уходил из дому с большим черным ящиком. Она было подумала - пойти за ним следом. Но следом за ним она не пошла. Зато как-то июльским вечером она решила навести о нем справки, ведь кто-нибудь в городе должен же его знать, он теперь - в новом костюме, - что и говорить, фигура заметная. В общем-то, в глубине души она подозревала, что он пляжный фотограф.

Сама она тоже приоделась - надела белое пикейное платье, купила она его пятнадцать лет назад, но оно оказалось ей впору и очень к лицу, и соломенную шляпу с лентой, вроде той, что у мистера Кэрри. По садику она прошла быстро, не поднимая глаз. Она не сомневалась, что соседи на нее смотрят и судачат. Все уже пронюхали, что мисс Фэншоу пустила жильца.

Летом она, в общем-то, не выходила на набережную. Она и мистеру Кэрри это говорила. "Я держусь переулков, покупаю все поближе к дому. Терпеть не могу летнюю толкучку". Да и

мама ей внушала, что "летом наезжает разная шушера". Но вот она шла по набережной, и была теплень, пахло морем, и ей стало стыдно, что она так думала, в общем-то нехорошо быть снобкой. Надо жить и другим не мешать, жить без предрассудков, как вот говорит мистер Кэрри. И такие милые, приличные люди ходили по пляжу парочками и сидели в шезлонгах, и было так много пожилых дам с воспитанными детьми, - словом, вполне изысканный курорт, и на автобусе сюда не приедешь.

Но мистера Кэрри она не нашла. Фотографов на пляже вообще не было. Она медленно брела по набережной. Вот пруд, тут детишки пускают кораблики, вот обелиск героям войны, вот поле для гольфа у гостиницы "Утес". "Надо бы ходить сюда почаще, летом тут очень приятно, я много потеряла", - думала она.

Возле лужайки для гольфа она остановилась. Домой ей идти не хотелось, в гостиной темень, и она не испытывала ни малейшей охоты в разгар июля делать абажуры. Она решила присесть на зеленой скамеечке рядом с пожилой парой, насладиться чудесным вечером. И тут она услышала музыку. Она ее сразу узнала. Этот мотив то и дело доносился из-за двери мистера Кэрри.

И на углу против гостиницы и лужайки она увидела мистера Кэрри. В черном ящике оказался граммофон, старинный, с трубой, и стоял он прямо на мостовой. А рядом был мистер Кэрри, шляпа набекрень, под мышкой тросточка, в петлице, как полагается, роза. Он пел очень музыкально, но надтреснутым голосом и выделял чечетку, и маленькие ножки изящно, легонько ходили в такт музыке.

Эсма Фэншоу вся покраснела и закрыла лицо руками, чтоб он ее не узнал. Она отвернулась и стала смотреть на море, а в уши лез чувствительный мотивчик. Но мистер Кэрри ничего не замечал, кроме окруживших его зевак. Кое-кто из прохожих перешел на другую сторону, посмотреть, как пляшет мистер Кэрри, напрягши в улыбке старое лицо. У ног его был опрокинутый котелок, и туда ему кидали монетки, а когда пластинка кончилась, он нагнулся, аккуратно ее перевернул и снова стал плясать. Вторая сторона тоже кончилась, и он уложил граммофон в ящик и пошел вдоль набережной начинать все сначала.

Она сидела на зеленой скамеечке, голова у нее кружилась, и бухало сердце. Она думала про то, что сказала бы мама, про то, какой она выставила себя дурой, ведь все же, все знают, ведь полгорода видело мистера Кэрри! Обрывки его музыки летели по вечерней набережной. Почти совсем стемнело, на гальку уже напоздали волны.

Она решила немедленно идти домой, вышвырнуть все пожитки мистера Кэрри прямо на улицу и запереть дверь. Она полицию вызовет или дядю Сесила, она побежит к соседям. Ее оскорбили, унизили, надули, она чуть не плакала от стыда.

И вдруг она подумала - а чего тут стыдного? Мистер Кэрри ее не обманывал. Он ведь ей не рассказывал, чем занимается летом, он не врал. Просто, наверное, не хотел ставить ее в известность, боялся, что она не одобрит его работу. Это его личное дело. Зато зимой-то она знает, что он делает - продает моющие средства. За комнату он платит. Он чистый, аккуратный, он приятный собеседник. Чего же в нем страшного?

И ей даже стало его жалко, и в общем-то все выглядело даже романтично, танцует он хорошо и поет не без вкуса, наверное, когда-то блистал на эстраде, да и кто она такая, чтоб его презирать, у нее-то какие таланты? Она-то разве может заработать на жизнь, услаждая других?

"А что я говорила, Эсма, что я говорила..." - "Ну и что? Что ты мне говорила, мама? И что ты мне еще скажешь? Оставь-ка ты меня лучше в покое".

И мама умолкла.

И вот она взяла с зеленой скамейки свою сумочку, свернула с набережной и пошла темными переулками, мимо сладких садов, мимо роз и левкоев, мимо открытых окон, к Садовой Аллее, а дома она повесила соломенную шляпу на крюк и осталась в пикейном платье - очень уж парило. Она пошла на кухню, сварила кофе, поставила на поднос вместе с бисквитами и бутербродами, и тут вернулся мистер Кэрри, и она его окликнула, она сказала:

- Не хотите ли закусить, наверное, вам это не помешает, устали, наверное.

А по его лицу она увидела, что он знает, что она знает.

Но ничего не было сказано ни в тот вечер, ни потом, до того холодного, ветреного вечера, месяц спустя, уже в августе, когда мистер Кэрри, сидя напротив нее в гостиной, читал вслух из тома "от гарнизона до горизонта", а Эсма Фэншоу взглянула на него и сказала:

- Моя мама всегда говорила, мистер Кэрри, "люблю, когда поют и танцуют, люблю эстраду. Когда поют и танцуют, легче на душе".

Мистер Кэрри отвесил легкий поклон.